

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 258 с.
2. Воробьева А. Н. Русская антиутопия XX – начала XXI веков в контексте мировой антиутопии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. Н. Воробьева. – Саратов, 2009. – 49 с.
3. Ковтун Е. Н. Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века) / Е. Н. Ковтун. – М., 1999. – 172 с.
4. Ланин Б. А. Анатомия литературной антиутопии / Б. А. Ланин // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5. – С. 153–164.
5. Чернышева Т. Природа фантастики / Т. Чернышева. – Иркутск : Изд-во Иркутск. ун-та, 1985. – 336 с.

**МИФИЧЕСКИЕ МОТИВЫ «ШАХНАМЕ»
А. ФИРДОУСИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

М. Яхьяпур, М. Самеи

В статье приводятся примеры трех сюжетных линий, описывающих различные изображения Рустама в древней и современной русской литературе. Рустам, главный герой «Шахнаме» Фирдоуси введен в русскую литературу как русский герой. В лице Еруслана и Ильи он стал героем русских волшебных сказок и легенд.

In this paper the examples of three story lines describes the impact of the image of Rustam in ancient and modern Russian literature. Rustam, the protagonist of "Shahnameh" Ferdowsi, through transfers and other borrowings entered Russian literature, but as a Russian hero. In the face of Eruslan and Ilya became the hero of Russian fairy tales and legends.

Ключевые слова: А. Фирдоуси, Рустам, «Шахнаме», Еруслан, влияние, перевод, миф, сказка.

Key words: A. Ferdowsi, Rustam, "Shahnama", Eruslan, influence, translation, myth, fairy tale.

«Шахнаме» А. Фирдоуси среди персидских литературных произведений считается в Иране хранилищем легенд. Каждый народ, исходя из своих религиозных убеждений, а также социальных и исторических традиций и обычаев, создает легенды (или мифы) согласно своей национальной культуре. Фирдоуси писал «Шахнаме» в течение 35 лет и собрал в поэме большой свод персидско-таджикского фольклора. Работая над произведением, он использовал не только эпизоды мусульманской истории, но и древнеиранские мифы, и доисламский эпос, и Авесту, священное писание зороастрийцев. Фирдоуси включил в поэму также тысячу бейтов, написанных его предшественником Дакики, погибшим в молодости и не успевшим завершить свой труд. Разные мифы «Шахнаме» отражают борьбу легендарных героев, несущих добро, и мифических существ, олицетворяющих зло. Смысл борьбы заключается в спасении родины и царя.

Мировые мифы по культурным, социальным, историческим и религиозным причинам имеют общие характеристики, которые можно назвать международными характеристиками мифов во всем мире. По мнению Стеблина-Каменского, «без преувеличения нужно сказать, что рассказы Фирдоуси ста-

ли осью цивилизации. До такой степени, что даже все литературные произведения мира не могли иметь такое влияние» [10, с. 64].

По словам Д.С. Лихачева, «уже в эпоху первобытнообщинного строя устное творчество предков восточных славян не было изолировано от словесного искусства других народов. Археологи устанавливают общение восточнославянских племен с соседними народами, в частности с народами Юга (Византии и Малой Азии) и Востока (Ирана, Средней Азии)» [3, с. 25].

«Шахнаме» входит в число произведений, которые уже переведены в России и, конечно, привлекли внимание писателей и критиков. При изучении ранних произведений русской литературы мы сталкиваемся с рассказами, которые с незначительными изменениями переняты из творчества других народов, в том числе «Шахнаме» Фирдоуси.

Первый перевод «Шахнаме» в России в середине XIX в. (1849) сделал Жуковский с немецкого перевода Де Корта. Он перевел рассказ «Рустам и Сохраб», но из-за того, что не знал персидского языка, ошибочно перевел имя Сохраба, исказив его в пользу немецкого произношения как «Зораб» [8, с. 215].

По словам М. Эрхара, «...у русских былин есть мифические исторические иранско-индийские основы...» [12, с. 10]. По словам А. Заринкуба, эти сходства объясняются соседством двух стран и отношениями между ними. Из данных высказываний можно понять, какое влияние оказало «Шахнаме» на литературу России [4, с. 535–536].

Рустам, Еруслан Лазаревич и Илья Муромец: сходства и различия. Рустам, герой «Шахнаме», среди других образов оказал наибольшее влияние на русские сказки и легенды. Однако и во многих русских былинах очевидно его влияние. Впервые Вилхелм Волнер подтвердил это в своей статье в 1894 г. До него русский ученый Д.А. Ровинский в своей книге о героях, рассмотрев эту тему, заявил, что приключения Рустама можно найти в культуре народов России, и считал, что слово «Шарак», имя коня Кралеви́ча Марко, южнославянского эпического героя, на самом деле измененное имя – Рахша [6, с. 24].

Среди мифических героев древнерусской литературы существуют два героя – Илья Муромец и Еруслан Лазаревич, сходство которых с образом Рустама из «Шахнаме» не вызывает сомнений.

Среди героев былин и рассказов древнерусской литературы Еруслан Лазаревич имеет наибольшее сходство с Рустамом. Этот образ в начале XVII в. проник в Россию, вдохновив многих писателей, написавших сказки, рассказы. Сходств сказок о Еруслане с рассказами о Рустаме было настолько много, что В.К. Кюхельберг, русский критик, считал эту сказку отражением рассказа о Рустаме в русской литературе. Он записал в своем дневнике: «Прочел я Еруслана Лазаревича. В этой сказке, точно, есть отголоски из "Шахнаме"; ослепление царя Картауса (у Фердоуси царя зовут Кавусом) и его богатырей и бой отца с сыном, очевидно, перешли в русскую сказку из персидской поэмы...» [7, с. 9–10].

Свои выводы о Еруслане В.В. Стасов, русский музыкальный и художественный критик, изложил так: «Наша богатырская сказка о Еруслане Лазаревиче происхождения нерусского: она ведет свое начало с Востока, но вышла не из сказок, а из поэм, легенд, песен и сказаний древнейшего Востока. Нельзя указать, по крайней мере, теперь, одного отдельного произведения, откуда она была бы переведена или заимствована. Стасов далек, следовательно, от того, чтобы увидеть в Еруслане перевод "Шахнаме". Он считает, что у сказки

про Еруслана был общий источник и с "Шахнаме", и с "Махабхаратой", и этот источник – поэмы и сказания древнейшего Востока» [7, с. 12].

Но А. Крымский, русский востоковед, который в 1895–1896 гг. впервые переводил «Шахнаме» с оригинального текста, без каких-либо сомнений считает, что Еруслан Лазаревич – это Рустам, и его сказка взята из «Шахнаме».

«В статье А. Крымского просто ставится знак равенства между "Ерусланом Лазаревичем" и "Шахнаме": Любимая русская юбочная сказка "Еруслан Лазаревич" заимствована из "Шахнаме". Еруслан – Рустам, Лазарь или Залазарь – Зал-зар, Киртаус – Кей-Каус» [7, с. 17].

Конечно, сказка о Еруслане Лазаревиче – это только заимствование из рассказа о Рустаме. Сказка была адаптирована к существующим российским реалиям, национально адаптирована. Такой литературный прием существует в различных мировых литературах.

Крымский отмечал, что «национальный богатырь России Еруслан Лазаревич не кто иной, как Рустам. Они принадлежит к разным народам, но истории их жизни и нравственности (Рустама и Еруслана) похожи друг на друга» [9, с. 111].

Другой русский герой, имевший большое сходство с Рустамом, – Илья Муромец. Изучение рассказов об Илье, а также работы иранских и русских литературных критиков говорят о том, что этот эпический русский богатырь является одним из героев, история жизни которого заимствована из «Шахнаме» Фирдоуси. Советский иранист Ф.А. Розенберг в предисловии перевода «Шахнаме» на русском языке заявил, что любимый богатырь национального эпоса России, Илья Муромец – «неискусственная копия Рустама, героя национального эпоса Ирана» [5, с. 28]. По словам известного русиста В. Возе, «даже в русских популярных рассказах есть связи с некоторыми популярными преданиями национального эпоса Ирана. В том числе Илья, герой рассказов из Киева, сильно напоминал Рустама, героя иранского эпоса» [11, с. 128].

В.Ф. Миллер все более склоняется к выводу о влиянии и сказки, и самого образа Еруслана на образ Ильи Муромца, отмечая, «как свободно в народе на популярное имя Ильи Муромца переносились похождения Еруслана Лазаревича» [7, с. 150].

Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что Илья, согласно мнению критиков, является одним из образов, заимствованных опосредованно из образа Рустама. С.П. Толстов, историк народов Средней Азии пишет: «...По линии сюжетной Рустемиада перекликается с комплексом былин, группирующихся вокруг центрального былинного образа эпохи – Ильи Муромца» [7, с. 23]. Попробуем проследить данные утверждения на конкретных примерах.

Сходство имен. Первое сходство, которое мы видим в сказках о Рустаме и Еруслане Лазаревиче, – это сходство имен. Как было сказано ранее, в адаптации образов и рассказов к национальным особенностям страны, изменяются и имена. В этой сказке имя Еруслан, как утверждают российские критики, это измененное имя Рустам, а отчество – Лазаревич – было взято от имени отца Рустама Заль. Кей-Кавос – король Ирана, которому Рустам служил, – с некоторыми изменениями превратился в Картауса. Орош Вещий – конь Еруслана, который обладал такими же качествами, как и конь Рустама (только Еруслан мог оседлать его), – имел имя (Орош), похожее на имя коня Рустама – Рахш. Также в этой сказке мы видим отрицательное лицо по имени Белая Данила, которая нападала на края Еруслана, и Еруслану удалось побе-

дить ее. Можно сказать, что Белая Данила, которая во время второго вторжения в земли Еруслана захватила его семью, князя и других богатырей и заколдовала их, практически является Белым Дьяволом из «Шахнаме», который захватил и ослепил короля и иранских богатырей.

Рождение и физические данные героев. Сказка о Еруслане начинается с его рождения, и мы видим, что он, как и Рустам, родился от отца-богатыря, имел героическое телосложение и с раннего детства был сильнее и выше своих сверстников.

Гнев короля и прощение героев. Одной из общих черт этих рассказов является сюжет о гневе короля, направленном на героев, но герои, считая главным служение Родине, закрывают глаза на обиды со стороны королей.

Чувство благодарности у героев. Другое сходство в рассказах о Рустаме и Еруслане – это их умение быть благодарными. Рустам в знак признательности отдал Овладу Мазендеран, а Еруслан подарил живую воду голове, и она соединилась с телом.

Выбор мифического коня. Один из общих моментов в рассказах о мифических героях, который является важным и имеет собственную историю, – это история об их верных спутниках – конях и способе их выбора. Как было сказано, даже имя коня Еруслана Вещий Орош похоже на имя коня Рустама Рахша. Критерием выбора коня было их испытание тяжестью героев: на спину коню герои клали руку, но все кони падали на колени, не выдерживая такой тяжести. Похожи в обеих версиях и сцены обуздания героями диких коней. Необычные кони, поняв достоинства всадников, признавали в них хозяев.

Выбор коня Ильей был также необычным. О. Миллер высказал предположение, что эпизод испытания силы коня путем удара его по спине в одной из сказок об Илье Муромце, повторяющийся эпизод иранской поэмы «Шахнаме», мог «перейти к нам через сказку об Уруслане Залазаровиче [2, с. 504].

Следует добавить, что эти кони очень многое умели, и всегда помогали своим хозяевам.

Религиозность и набожность героев. Тема религии и набожности мифических героев является одной из основных тем, распространенных в мировой мифологии. Религиозность героев всегда привлекала внимание писателей. Одна из причин религиозности героев заключается в том, что в древности вопрос о религии только входил в жизнь людей и привлекал интерес авторов, которые сами были религиозны.

Авторы рассматриваемых произведений, будучи глубоко религиозными людьми, выражали свои личные взгляды и убеждения через образ героев. Религиозность и набожность присутствует и в рассказах об этих трех героях: герои обращаются к Богу и просят у него помощи.

Единственное различие между героями в том, что они исповедуют разные религии: Рустам исповедует ислам, а Илья и Еруслан – христианство, однако вера в бога – объединяющий момент для всех троих героев.

Борьба отца с сыном. Еще одной общей темой «Шахнаме» и произведений древней русской литературы является борьба между отцом и сыном. Эта тема часто встречается не только в мировой литературе. Отец и сын избираются для этого трагического противостояния, чтобы, с одной стороны, показать любовь к Родине, которая выше кровных уз, с другой стороны, показать силу правителей. Во многих подобных рассказах отец играет роль спасителя и защитника родины, а сын – роль врага.

В.Ф. Миллер, знаменитый русский ученый и фольклорист, был убежден, что рассказ о борьбе между отцом и сыном из «Шахнаме» имел сильное влияние на русскую литературу. Ученый пытался показать, как иранское сказание о бое отца с сыном проникло на Русь в двух видах: в виде былины об Илье Муромце и Сокольнике – через Кавказ и южные степи – и в виде сказки о Еруслане – через тюркскую предполагаемую среду, служившую посредницей между иранскими сюжетами и русскими былинами [7, с. 15]. Н.П. Андреев высказывает предположение, что сюжет об Илье и его сыне взят из известной битвы Рустама с Сохрабом: «Сюжет былины принадлежит к числу широко распространенных мировых сюжетов. В иранском эпосе известны сходные сказания о Рустеме и Зорабе (или Сохрабе; ср. поэтический перевод Жуковского «Рустем и Зораб»)» [1, с. 552].

Хотя тема борьбы между отцом и сыном является одним из распространенных мифических сюжетов во многих странах мира, детали этой борьбы, на наш взгляд, в истории рассматриваемых образов более похожи друг на друга. Во всех трех сюжетах отец и сын дважды сражались, и все три сражения закончились победой отца. В первой битве побеждали сыновья, но во второй и последней битве победил отец. В «Шахнаме» отец убил сына, но в сказках о Еруслане и Илье герои узнали своих сыновей и отказались убивать их.

Различия между героями. Рустам и Еруслан с самого детства обладали героической силой, но Илья родился парализованным и до тридцати лет не мог двигаться. Различие между рассказами о Рустеме и Еруслане заключается в жизненных целях этих двух богатырей. Рустам всю свою жизнь служил своей стране и шаху и там, где он был необходим, сразу вступал на поле битвы и подвергал опасности свою жизнь. Он никогда не стремился захватить власть, славу или богатства. Ни одна из его битв не велась ради обладания женщиной, но цель Еруслана заключалась в том, чтобы найти кого-то сильнее себя и, поразив его, прославиться и заполучить самую красивую женщину.

После появления сказки о Еруслане в русской литературе было сочинено много сказок, в которых для создания образов других героев был заимствован образ Еруслана. От XVIII в. вплоть до 10-х гг. XX в. существовал длинный ряд лубочных переработок повести о Еруслане. С XVIII в. начинаются и литературные обработки повести. Ею воспользовался Пушкин в «Еруслане и Людмиле» – в эпизоде встречи Руслана с богатырской головой.

А.М. Астахова, исследовавшая воздействие сказки о Еруслане на другие русские сказки и былины, пишет: «Исследования повести о Еруслане показали, что с самого начала ее появления в рукописной традиции она подверглась сильному влиянию русской эпической поэзии, сказавшемуся прежде всего в усилении гуманистического характера изображаемых подвигов и похождениях» [2, с. 505].

Итак, на примерах трех сюжетных линий мы попытались проследить влияние образа Рустама на русскую литературу. Рустам, главный герой «Шахнаме», через переводы и другие заимствования из «Шахнаме» вошел в русскую литературу, но уже как русский богатырь в лице Еруслана и Ильи стал героем русских сказок и былин. Русские писатели до расцвета литературы (до XVII в.), известного в России как период древности, через переводы южных народов России, имевших совместные границы с Ираном, познакомились с «Шахнаме». Они адаптировали образы «Шахнаме» и сформировали русские образы. Эти русские образы (Илья и Еруслан) во многих ситуациях и поступках напоминают иранского Рустама. Образы Еруслана Лазаревича, имя

которого похоже на имя Рустама Заля, и Ильи, русского богатыря, по словам Розенберга, – «неискусственная копия Рустама», которая имеет много общего с Рустамом «Шахнаме». И с точки зрения личности (набожность и признательность и пр.), и с точки зрения их поступков (выбор коня, борьба с сыном и т.д.) они имеют общие черты. Следует отметить, что, наряду со всеми общими чертами, видны также различия, и причиной этих различий является то, что эти рассказы не просто копия переводов рассказов о Рустаме. Авторы этих произведений, ранее осмыслив рассказы о Рустаме, писали русские рассказы. Следуя методу адаптации рассказов, они заменяли имена, традиции и привычки, чуждые для читателей своей страны, на русские. Возможно, именно по этой причине некоторые критики, которые не признавали влияния персонажей из «Шахнаме» на русских героев, утверждали, что их герои чисто русские и что они не подверглись влиянию сказок других народов.

Список литературы

1. Андреев Н. П. Примечания / Н. П. Андреев // Былины: Русский героический эпос. – М. : Советский писатель, 1938. – С. 552.
2. Астахова А. М. К вопросу об отражениях в русском былинном эпосе сказания о Еруслане / А. М. Астахова // Труды Отдела древнерусской литературы АН СССР. – 1958. – С. 504–505.
3. Благой Д. Д. История русской литературы : в 3 т. / Д. Д. Благой. – М. – Л., 1958. – Т. 1. – С. 25.
4. Еганиянич Л. Шахнаме Фердоуси и его ровный эпос в русской литературе / Л. Еганиянич // Факультеты литературы Тебриза. – Тебриз, 1327/1948. – № 2. – С. 28.
5. Заринкуб А. Литературная критика / А. Заринкуб // Амир кабир. – Тегеран, 1373/1994. – С. 535–536.
6. Ковяджи Дж. С. Мифы Ирана и Китая / Дж. С. Ковяджи // Насле но андиш ; пер. К. Карими Тари К. – Тегеран, 1378/1999. – С. 24.
7. Пушкарев Л. Н. Сказка о Еруслане Лазаревиче / Л. Н. Пушкарев. – М. : Наука, 1980. – С. 9–10, 12, 15, 17, 23, 150.
8. Радфар А. Исследование и переводы о Фердоуси и Шахнаме в СССР / А. Радфар // Фарханг. – Тегеран, 1374/1995. – № 16. – С. 215.
9. Сайах Ф. Критика и путешествие / Ф. Сайах. – М. – Тегеран, 1383/2004. – С. 111.
10. Самад В. Фердоуси и Шахнаме на Кавказе / В. Самад // Каранг ; пер. Р. Мосалманин. – Тегеран. – 1999. – 1378. – С. 164.
11. Тогяни-эсфарджани Э. Краткое сравнение иранских и неиранских эпосов / Э. Тогяни-эсфарджани // Университет литература и филологии. – Эсфахан. – 1377/1998. – № 12. – С. 128.
12. Эрхар М. Русская литература: от древности до настоящего времени / М. Эрхар // Ходаи : пер. И. Пур-Багери. – Тегеран, 1334/1955. – С. 10.